

РОЛЬ ВИЛЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В АКТИВИЗАЦИИ НАРОДОВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В БЕЛОРУССИИ

This article analyzes the historiosophical concepts of the origin and development of the Belarusian nation and the Belarusian language, which were justified by teachers of Vilnius University. It is emphasizes that their researchs were associated with the Polish ideology and expressed polish look at the Belarusian nation. It is proved that the Vilna historians have not only started ethnographic study of Belarusian territory. Their works were the first information on the Belarusian ethnography that has been emerged in Russia. This researchs has prompted interest in the history, traditions, folklore of Belarus.

Характеризуя особенность Виленского университета этой поры, М.О. Коялович, известный ученый-филолог белорусского происхождения, писал: «В 1803 г. восстановлена была виленская иезуитская академия под именем университета. Иезуитская сущность – подавление в стране всего русского, православного – осталась в новом университете неприкосновенною, только обставлена была современными научными усовершенствованиями и воплощена больше прежнего в колонизации» [1, с. 321]. Эту характеристику Кояловича уточнил В.Д. Спасович: «Преподавание и по языку, и по духу было польское, но следует заметить, что между национальностями еще не было той розни и той подозрительности, которые выросли в последующие полвека, и что между образованными людьми обеих наций существовало общение, продлившееся до времен пребывания Мицкевича в Петербурге» [2, Т. 2, с. 174]. Конечно, в суждении Кояловича отразилась та самая национальная неприязнь, о которой писал Спасович. Но, в то же время, и Коялович признавал, что «польская национальная наука выступила в виленском университете в таком величии, в каком никогда не являлась во времена польского государства. Тут собраны были лучшие дарования, тут было все разнообразие высшего заведения» [1, с. 321].

Именно в Виленском университете польские ученые-историки и писатели начали этнографические исследования белорусского края. Труды Линде, Снядетских, Лелевеля, Даниловича, Бродзинского, Лобойки, Почубота и др. являлись «первыми сведениями по белорусской этнографии»,

появившимися в России, которые пробудили интерес к истории, традициям, фольклору Белоруссии и «внесли живую струю славянского народного романтизма» [3, с. 29]. Нельзя, однако, не отметить, что все они выражали польский взгляд на белорусскую народность, который по сути своей носил идеологический характер, определявший направленность историко-археологических и этнографических изысканий виленских ученых. Их труды, публикуемые в московских и петербургских журналах, формировали, в свою очередь, и русское отношение к народу, населявшему новоприсоединенные к России территории.

Согласно польско-виленским историко-культурным концепциям, белорусы являлись потомками кривичей, сохранившими свою исконную славянскую чистоту. Это отличало их от народа московского, подвергшегося монголо-татарскому нашествию и испытавшего на себе «восточные воздействия различного рода». В соответствие с этим «этнографическим предрассудком» (Пыпин), и сами русские видели в белорусах особый народ западного края. Для патриотично настроенных польских ученых, склонных к мечтаниям о восстановлении Польши в границах 1772 г., этот «предрассудок» стал вдохновляющим фактором. Традиции так называемых кривичей воспринимались учеными-поляками как традиции народа, тяготевшего к Польше, ей подчинявшегося и жившего на ее территории. В этой связи одним из принципиальных стал вопрос о языке белорусов.

В атмосфере подъема национального самосознания, которое испытывали в начале XIX в. все народы Европы, обращение виленских филологов к вопросу о языке как важнейшей составляющей жизни нации, оказалось и актуальным, и закономерным. Они с энтузиазмом восприняли идею народности немецкого философа Г.И. Гердера, который писал: «Есть ли у нации что-нибудь дороже родного языка? В языке воплощены все сокровища ее мысли, ее традиции, ее история, религия, основы ее жизни, все ее сердце и душа. Лишить народ языка — значит лишить его единственного вечного блага» [4, с. 178].

Значение польского как языка общенационального виленцами под сомнение не ставилось. Однако сложным оказался вопрос о белорусском языке и его взаимосвязях с родственными языками, и польским в том числе. Языковая ситуация, сложившаяся в северо-западном крае, где белорусский язык оказался в сфере исключительно устного употребления и использовался в среде простолюдинов и «застенковой» шляхты, позволяла польско-виленским ученым рассматривать его как диалект своего языка. Признать самостоятельность белорусского языка, по сути, означало признание самостоятельности белорусской нации.

Обоснование культурной и языковой тождественности белорусов и поляков обнаруживается уже в первом полном толковом «Словаре поль-

ского языка», составленном филологом, лексикографом и историком С.Б. Линде. Следует отметить, что в научной деятельности Линде руководствовался актуальной для своего времени идеей сближения всех славянских народов. С целью осуществления этой идеи он предпринял попытку создания единого славянского языка, за основу которого Линде предлагал взять польский. Однако польский центризм его усилий не нашел поддержки в научных кругах.

В начале XIX в. и русские ученые не считали белорусский язык самостоятельным: зачастую они объединяли его с малоросским наречием. В тоже время необходимо подчеркнуть, что инициатива изучать непосредственно белорусский язык исходила с русской стороны.

Государственный канцлер Н.П. Румянцев, ознакомившись с материалами, собранными членами его историко-археологического «Румянцевского кружка», работавшими на территории северо-западных земель, рекомендовал составить русско-белорусский словарь профессору Виленского университета протоиерею И. Григоровичу. Работу над «Словарем белорусских наречий» он начал, но закончить, к сожалению, не успел. Едва ли не первым серьезно стал изучать белорусский язык московский ученый К.Ф. Калайдович. В этой связи следует вспомнить его статьи «О белорусском наречии» и «Краткий словарь белорусского наречия». К числу первых ученых-белорусоведов принадлежал профессор российской словесности И.Н. Лобойко. Именно он первым стал широко употреблять термин «белорусский», раздвинув этно-территориальный его смысл.

Тем не менее, многие виленские историки были убеждены, что польское влияние на северо-западный край было исторически оправданным и необходимым. Данная точка зрения стала определяющей в осмыслении этнической истории местного населения. Большинство польских ученых рассматривало Беларусь как польскую провинцию, а белорусов они считали этнической группой внутри народа польского.

Показательна в этом смысле трактовка белорусской истории как составной части истории польской, принадлежавшая профессору Виленского университета, поэту и историку, римско-католическому епископу А.С. Нарушевичу. Оценивая деятельность Нарушевича и его «Историю польского народа» В.Д. Спасович писал: «Нарушевич понимал, что настала пора покончить со спесью и исключительностью шляхетской, а реформу понимал он как возврат к старому, к давно минувшему; одним словом, если бы можно было употребить сравнение, заимствованное из другого общества и из настоящего времени, то Нарушевича следовало бы назвать первым представителем того направления, которое в России носит название славянофильства» [2, Т. 2, с. 147]. Действительно, общественно-политические

и нравственные идеалы Нарушевич находил в прошлом Польши, когда «правы были демократичнее», когда «не разделялись резко сословия», а крепость государства слагалась «под мощной десницей самодержавных еще королей». Руководствуясь этими идеалами, Нарушевич составил величественную картину польской аристократической истории, в которой движущей силой являлись «собиравшие землю» польские монархи, и воспел ее в своих одах. Романтическая идеализация прошлого польской аристократии заставила Нарушевича ненавидеть польское настоящее и превратила его в беспощадного сатирика. В обличительных выступлениях Нарушевича критике подверглась вся социально-политическая и государственная структура современной ему Польши: это и вседозволенность магнатов и панов, жалкое угодничанье мелкопоместной шляхты, их водеvilльная «гоноровость» и показушный патриотизм, и угнетенное положение простых людей. Причину этого экономического и нравственного упадка историк увидел в утрате демократических основ и законности, которым, как ему казалось, в старину в Польше подчинялись и монархи, и шляхта, и крестьяне. Тем самым, романтическая идеализация прошлого своей страны соединилась в творчестве и научных трудах Нарушевича с просветительскими идеями, раздвигающими национальные границы сознания ученого. «Безумная, бедная и дикая страна, где венценосцы царствуют только по имени. Блуждающее стадо гербовных голышей! Глядя на твоих хитрых предводителей, само ты не знаешь, как, издеваясь над твоею простотой, они пользуются тобой для своей частной выгоды, склеивая или разрывая продажные сеймики. Ты ищешь свободы, свободу имеют только они одни...», — сокрушался Нарушевич, подводя итог в «Истории польского народа» [Цит. по: 2, Т. 2, с. 149]. Обличая нарушающего «общественный договор» и потворствующего беззаконию короля, продажных и спесивых панов и шляхтичей, творящих беззаконие, он перестал верить и в народ, который смирился с беззаконием и стал терпеть любые притеснения. «Не для тебя они удят твоею же удочкою; ты пахнешь плугом, они будут пахать тобою», — так виделось будущее простого народа историку Нарушевичу [Цит. по: 2, Т. 2, с. 150].

Коренные исторические идеи Нарушевича развил историк И. Лелевель. Вдохновленный призывами И. Гердера постигать собственную народность, Лелевель в истории своей страны стремился отыскать проявление польской национальной неповторимости. Исходя из теории народности Гердера, он объяснял прошлые успехи народа польского верностью своему призванию, своим коренным началам, а падение — отступлением от этих начал и подчинением навевянному извне, иностранному. Если Лелевель разделял негативное отношение Нарушевича к господству шляхты и магнатов,

то его монархических иллюзий не поддерживал. Он призывал расширить народоправление по образцу древнего вече, чтобы достичь осуществления того политического идеала и той степени демократии, которое «уже было создано Польшей в ее счастливые эпохи».

Но существенной ошибкой историка являлось то, что общеславянскую историю он сводил к истории одной только Польши. Это заставило Спасовича сделать вывод о националистической ограниченности исторической концепции Лелевеля: «Неоценимою заслугою этой школы было приобретение умственной самостоятельности во взглядах на собственное прошедшее; положительным злом – идеализирование всяких своеобразных особенностей в прошлом, даже уродливостей, и несомненным заблуждением было предположение о каких-то априорных началах, присущих будто бы народности от самого ее зарождения и составляющих ее призвание. Таковых начал нет ни в какой бы то ни было народности славянской, порознь взятой, ни в целом доисторическом Славянстве вообще» [2, Т. 3, с. 201]. В Словаре Брокгауза и Ефрона, при всех отмеченных заслугах Лелевеля перед польской историографией, главной причиной, по которой его общая концепция истории Польши потеряла впоследствии свое положительное значение, будет указано «несдержанное чувство патриотизма», выродившееся у его последователей «в своего рода мессианиззм на почве истории» [5, Т. 34].

П.В. Кукольник одним из первых начал рассматривать историю северо-западного края в единстве с историей русской. Именно он предпринял попытку обосновать не только историческое и этническое, но, прежде всего, духовное родство русского и белорусского народов. «Могущество и благосостояние Литвы зависело именно от ближайшего соединения с Русью, и чем более ослабляема была эта связь, тем ощутимее были потери Литвы», – писал Кукольник [6]. Исследования Кукольника получили в России широкий общественный резонанс и многим открыли правду о белорусской земле.

Таким образом, виленские ученые-историки не только начали этнографические исследования белорусского края. Их труды являлись первыми сведениями по белорусской этнографии, появившимися в России, которые пробуждали интерес к истории, традициям, фольклору Беларуси.

Литература:

1. *Коялович, М.О.* Чтения по истории западной Руси / М.О. Коялович – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1884. – 461 с.
2. *Пыпин, А.Н.* История славянских литератур в 2 т. / А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1879-1881.

3. *Пыпин, А.Н.* Белоруссия и Сибирь / А.Н. Пыпин // История русской этнографии в 4 т. Т. 4. – СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1892. – 488 с.
4. *Гердер, Г.И.* Идеи к философии истории человечества. (Памятники исторической мысли) / Г.И. Гердер – М. : Наука, 1997. – 705 с.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах – СПб., 1890-1907.
6. *Кукольник, П.* Исторические воспоминания о Немане / П. Кукольник. Памятная книжка Виленской губернии на 1860 год. Ч. 2: Историко-статистический сборник Виленской губернии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.russianresources.lt/archive/Kuk/Kuk_22.html. – Дата доступа : 16.02.2013